

Эдуард Кранк

ПРИЗРАК НЕЖНЫЙ (ПУШКИН)

*кинороман
по
стихам
Пушкина*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард Кранк

Призрак нежный (Пушкин): кинороман

<https://litres.ru/73293328>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Александре Пушкине таинственным образом сошлись не только поэтические веяния эпохи, но и антрополого-психологические черты того, что мы называем «русским человеком», «русской душой». Неудивительно, что его личность и творчество породили своеобразную мифологию: это легенды об «утаенной любви», о смерти от руки «белого человека», о попытке бегства за границу, об отношениях с властью. Пушкин предстает в книге не как памятник, блистающий хрестоматийным глянцем, а как живой человек — влюбляющийся и отрешенный, страстный и хладнокровный, свободолюбивый и зависимый, влекомый Судьбой и противостоящий ей. Автор не пытается навязать читателю ту или иную трактовку образа и биографии поэта. Избрав драматургическую форму письма, Э. Кранк словно бы записывает голоса, которые он слышит, предоставляя читателю возможность самому проникнуть в психологию гения, соотнести поступки и слова Пушкина с собственным душевным миром.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Эдуард Кранк

Призрак нежный

(Пушкин): киноман

Посвящается моей маме Агнии Павловне Кранк

От автора

Первоначально киноман задумывался как сценарий к фильму об одном из эпизодов в биографии Пушкина. Но по мере работы над текстом замысел расширился, и будущее повествование представилось мне как трехчастный эпос, как сага, подобная «Крестному отцу» М. Пьюзо – Ф. Ф. Копполы. В книге приведен материал первой части такой саги. Я предполагал написать и всю трилогию, но изменения в жизни не позволили мне это осуществить. Так или иначе, «Призрак нежный» – вещь завершенная.

О Пушкине написано столько, как, пожалуй, ни об одном другом русском писателе. Изучая эти материалы, погружаясь в биографию поэта и его творчество, я столкнулся с парадоксом: чем больше узнавал я об обстоятельствах жизни Пушкина, тем более загадочным он становился. Ясность и мотивированность поступков вкупе с легкостью и безыскусностью в поэтическом преображении житейских впечатлений,

с одной стороны, и замкнутость, таинственность, непроницаемость того, что минуту назад выглядело как открытость и легкость, — с другой, в своем единстве поражают, вызывая порой чувство растерянности и недоумения. Но вот что удивительно — эти растерянность и недоумение ничуть не отменяют ощущения редчайшей гармонии и правды, идущих от текстов и самой личности Пушкина.

Знакомясь с жизнью великих людей, нельзя не заметить, что каждым из них руководят какие-то внешние силы; что незаурядный человек словно бы вписан в сюжет, predetermined свыше; что он своей деятельностью и жизнью в целом осуществляет предназначение, которое в состоянии если не осознать, то, по крайней мере, следовать ему. Что касается нашего героя, то его жизнь до прекращения Михайловской ссылки (стихотворение «Пророк»), а, вероятнее, еще раньше, в 1823 году, была подчинена следованию предначертанному пути, или Судьбе. Рано или поздно наш герой в этой своей зависимости от «предначертанности» должен был отдать себе отчет. На мой взгляд, Пушкин не только осознал свою вовлеченность в действие этого внешнего механизма, но отказался быть его частью, сделав выбор, который условно можно назвать выбором «не-судьбы», вопреки «судьбоносной» зависимости, в пользу существования в качестве частного лица.

Конечно, подобная точка зрения может и, вероятно, должна быть оспариваема, потому-то я и говорю об этом не пря-

мо, а через своего героя. «Прямо», заметим кстати, о Пушкине ничего нельзя сказать, кроме каких-то общих слов, вроде «Пушкин – солнце русской поэзии» (В. Одоевский, В. Белинский, В. Брюсов), «Пушкин – это русский человек в его развитии» (Н. Гоголь), «Пушкин – наше всё» (А. Григорьев), «Пушкин – одно из величайших явлений русского духа» (Д. Мережковский) и т.п. Исключением, пожалуй, звучат знаменитые строки: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет» – надо отдать дань гениальности Тютчева: метафизичность сравнения разительна, хоть внешне и проста.

Проведя почти половину своей взрослой жизни в изгнании, быв свидетелем – даже своего рода ферментом – декабристской утопии, а также того, чем всё это закончилось, нелюбимый ни при дворе, ни в кругу нового поколения литераторов, и, главное, понимая, сколь чудесны и независимы воображение и язык, – Пушкин, на мой взгляд, не особо доверял действительности, при всей погруженности в житейские темы, которыми полны дневниковые записи и письма. Небрежение, с каким он отнесся к последней дуэли, он, так тщательно до этих пор соблюдавший букву дуэльного кодекса, свидетельствует в пользу предположения, что поэту по большому счету был безразличен ее исход. Вместе с поэтическим циклом 1835-1836 гг. и другими стихотворениями, которые по своей проблематике предшествовали этому циклу; вместе с такими чертами личности Пушкина, как бесстрашие и хладнокровие в критические минуты жизни,

— это безразличие говорит о готовности принять любой исход, поскольку, что бы ни случилось, это будет лишь выражением недостоверности земного существования, тем более что сам он вполне отдавал себе отчет в том, что выполнил не одно, а несколько предназначений, то есть «дело сделано», а если так, то вариантом ответа на вопрос «Куда ж нам плыть?» (стихотворение «Осень») может быть словосочетание «да куда угодно».

Возможно, пушкинисты подвергнут мои взгляды критике, и, предвижу, весьма суровой. У меня самого есть соблазн написать на эту книгу разгромную статью, как это когда-то сделал в свой адрес Ингмар Бергман, создав тем самым противоядие против любого остракического жала. Но мне не до этого — потому, наверное, что, живя в этом мире несколько дольше, чем представлялось когда-то, я всё больше склоняюсь к тому, что на равнодушие жизни к человеку можно ответить и его равнодушием к ней, а если мы все-таки живы и должны как-то обретаться в этом мире, то наиболее адекватная сфера в трепыхании между жизнью и смертью — это область сновидения. Она максимально приближена к творчеству, которое можно назвать сновидением в его явленной членораздельности, оформленности, благодаря чему и достижима (если достижима вообще) осмысленность существования. Говоря это, я не претендую на оригинальность; о чем-то подобном замечательно сказал Байрон в первых строках стихотворения «Сон». Вот и мою пушкинскую эпопею

можно принять за такое «оформленное» сновидение, тем более что наша память на этот счет весьма избирательна. Всякое повествование о том, что нам пригрезилось, начинается словами: «Мне нынче приснилась удивительная вещь», — словами, которыми мы, с одной стороны, отделяем от себя сон, а с другой — погружаемся в него, создавая мост между тем, что мы есть, и тем, что мы способны увидеть и услышать.

Пролог

Блажен, кто мил и страшен миру.

Пушкин

На грязной палубе, привязанный, как собака, веревкой за шею, со связанными руками, сидел полуголый смуглый мальчик, глядя сквозь слезы, в которых повисло солнце, на далекую фигурку в волнах. Ее еще можно было различить на фоне уходящей в прошлое панорамы Константинополя, с его мечетями и куполом Софийского храма, с домами, лепящимися по берегу Золотого Рога, в виду мачтовых скелетов стоящих на якоре кораблей. Пловец временами исчезал в волнах, и тогда мальчик лихорадочно искал его глазами, ослепленный солнечными бликами. И даже позднее, когда фигурка, казалось, окончательно растворилась в море и солнце, он ждал, что она вот-вот покажется где-нибудь поблизости:

сердце отказывалось верить, что Сестры больше нет. Постепенно, по мере того как бухта и Константинополь за кормой приобретали всё более игрушечные, недостоверные очертания, чувство ужасной утраты стеснило грудь мальчика, как будто это в его легкие хлынула соленая влага, как будто это его тело сотрясали последние конвульсии удушья, и тогда собачье поскуливание, перемешанное со всхлипываниями, сменил совсем иной звук, поначалу не вовсе явно, но с каждым мгновением нарастая в силе и тоне, так что его первоначальная недостоверность уступила место всё более уверенному его звучанию среди прочих шумов: гула ветра в парусах и плеска моря за бортом, – пока этот странный, необъяснимый звук, словно бы издаваемый самим мальчиком, не вообрал в себя все другие, внешние звуки, пока не стал он столь явным и громовым, что, кажется, поглотил и самое солнце, самое небо, – и вот остался один этот крик, который вообрал в себя Всё, оставив вокруг лишь темную пустоту...

...Жуковский, Даль, Спасский, находившиеся в кабинете, поднялись со своих мест и, замерев, словно парализованные этим криком, в ужас глядели на потемневший рот человека, который, лежа на диване, обитом красным сафьяном, этот крик издавал. Плетнев вошел было в комнату, но, остолбенев, так и остался в дверях. Те, что сидели в гостиной: Строгановы, Вяземские, Данзас, Тургенев и прочие, привстали со своих кресел и стульев. Пожилая мадам Хитрово безмолвно и мягко, как и свойственно ее полному телу, покатилась

в обморок, но никто из окружающих этого даже не заметил. Крик разносился по дому, превращая каждого, кто его слышал, в подобие манекена, статуи, восковой фигуры: вот дядька Никита Козлов, замерший вполоборота возле открытой дверки печки-голландки; вот длиннолицая Александрина, успевшая машинально прикрыть двери в детскую, окаменела с заломленными руками; вот два жандарма возле парадной двери пьются друг на друга, не в силах разъединить взгляды; немногочисленная группа студентов и чиновников замерла с непокрытыми шевелюрами и проплешинами за окнами дома. Кажется, от этого крика начали дрожать стены; еще мгновение — и дом Волконских на Мойке рассыплется как карточный домик; рухнет вниз, как подкошенная, Александровская колонна; разрушится Зимний дворец; Нева выйдет из берегов, и статуя Петра I сорвется со своей глыбы-пьедестала и поскачет в страхе перед стихией по мутному небу, прихватив, как шпагу, шпиль Петропавловского собора; вскроются гробницы и поплывут по воде гробы мертвецов; еще минута — и всё исчезнет в громе этого страшного воя, издаваемого умирающим, —

и лишь одно существо не слышит его: женщина, прилежшая на кушетку, изголовьем к кабинету, откуда исходит крик, — она спит, бледное лицо ее спокойно и бесстрастно, так что можно подумать, будто она умерла, если бы не легкое подрагивание крыльев носа, если бы не почти неуловимое дыхание этого лица, прозрачной и чистой его кожи, — од-

на эта женщина, с чертами Натальи Николаевны Пушкиной, остается недоступной для громового воя, который, словно наткнувшись на преграду в этом безмятежном, прекрасном, со следами горя, вины, усталости лице, начинает утрачивать свою силу, пока вовсе вдруг не рассыпается в прах, словно легкий снег, упавший с ветки на оконное стекло...

АКТ ПЕРВЫЙ

Глава первая

Юношеский голос во тьме.

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали,
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук, унылый и простой,
Слыхали ль вы?..

Раннее утро апреля 1820 года.

Царское Село. Дом графа Кочубея. Комната графини Наташи.

Наташа, дочь графа, сидит в неглиже перед зеркалом, в руке ее – листок с автографом стихотворения «Певец». Взгляд девушки, прозревающий нечто иное, чем окружающий интерьер, подернут пеленой застывших слез. В ушах звучит юношеский голос, читающий стихи, так что девушка

не сразу слышит, что в дверь стучат.

Наташа (пряча листок в руке). Да-да...

В дверном проеме появляется гувернантка Наташи, мисс Винтер, старая англичанка с рыже-седыми буклями из-под чепца.

Мисс Винтер. Oh my God, so you haven't slept! It's very bad, my darling, very bad! What is it? (Замечает листок в руке Наташи и укоризненно качает головой.) I know it's Pushkin! This terrible young man, this devil! Again! If he does not stop doing that, I'll have to tell your father about all relations between you and this man.

Наташа (улыбается в ответ и целует мисс Винтер). Has papa got up yet?

Мисс Винтер. Oh yes. There is a gentleman in his study. A visitor.

Наташа. So early? Who is it?

Мисс Винтер. I don't know. Well, once you got up, you might as well go to the dining room and have your breakfast. But there is one thing that bothers me – you look very tired. I wonder if you slept at all last night, did you?

Наташа. I'll be downstairs in a few minutes, miss Winter.

Мисс Винтер. All right. I'm waiting for you.¹

---

¹ – Бог мой, так вы не спали? Это плохо, дорогая моя, просто скверно! Что

Оставшись одна, Наташа прячет листок в инкрустированную шкатулку, с вензелем «N» на крышке. Вдруг, словно вспомнив что-то, окликает гувернантку.

Наташа. Miss Winter?

Та не отзывается. Наташа выходит из комнаты, идет по галерее, но вдруг останавливается, привлеченная голосами из кабинета отца.

Голос Каразина. ...я не шпион, ваше превосходительство, однако безнаказанность этого Пушкина меня лично, как гражданина России и подданного его величества, глубоко оскорбляет...

Наташа (поражена). Пушкин?!.

Невольно подслушивает дальнейшую беседу.

II

это? Я знаю – это Пушкин! Это ужасный молодой человек, этот дьявол! Опять! Если он не остановится, я вынуждена буду рассказать вашему отцу о ваших отношениях с ним...– Папа уже встал?– У него в кабинете какой-то джентльмен. Посетитель.– Так рано? Кто же?– Я не знаю. Ладно, коль скоро вы уже встали, можете завтракать. Одно меня беспокоит: вы утомлены. Похоже, вы не спали вовсе, правда?– Я сейчас выйду, мисс Винтер.– Хорошо. Я жду вас. (англ.)

Кабинет графа Кочубея.

Министр внутренних дел граф Виктор Павлович Кочубей и В. Н. Каразин, член Общества любителей Российской словесности.

Кочубей (пытаясь скрыть раздражение). Ну, хорошо, хорошо. Но почему вы избрали меня, чтобы сообщить об этом?

Каразин. Позвольте, ваше превосходительство, ваш вопрос странен-с. Ведь к кому же и обращаться мне, как не к вам? Я даже принес с собою вещественное, так сказать, доказательство, стихи-с.

Извлекает из кармана рулон бумаг, перевязанный ленточкой, развязывает тесьму и протягивает их Кочубею. Тот, после небольшой заминки, берет бумаги и кладет их на стол.

Тут, между прочим, эпиграмма Пушкина на самую основу русской государственности – на самодержавие! Ведь на что покушаются, ваше превосходительство, на святыню-с, можно сказать! А откуда всё? Страшно промолвить: в собственном его императорского величества Лицее государь, не ведая того, воспитывает себе и отечеству недоброжелателей. Говорят, что тот же Пушкин по высочайшему повелению секретно наказан. Но из воспитанников Лицея почти всякий есть более или менее такой Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом, похожим на масонство, а некото-

рые и в действительные ложи поступили! Кто сочинители карикатур или эпиграмм, в которых высочайшее лицо названо весьма непристойно? Лицейские питомцы! Кто знакомит публику с соблазнительными направлениями? Они же-с! А государь-император продолжает пребывать в неведении, и всё из нерадения приближенных. Куда мы идем?! О tempora, о mores!²

Кочубей (раздумчиво). Обещаю вам сегодня же доложить государю о бумагах этих, сколь и о вашем рвении о его благе.

Каразин (с достоинством). Я только исполняю свой долг-с, ваше превосходительство.

Кочубей. Благодарю вас.

Каразин (откланиваясь). Честь имею. (Выходит.)

Кочубей брезгливо пытается засунуть стопку бумаг, оставленных Каразиным, в бювар, но от нетерпеливого движения графа они рассыпаются по полу.

КОЧУБЕЙ (зовет). Федор!

Входит камердинер Федор.

ФЕДОР. Ваше сиятельство?

КОЧУБЕЙ. Ты это... собери тут... (Со смешанным чувством смотрит, как камердинер собирает бумаги. Про себя.)

---

² О времена, о нравы! (*лат.*)

Честь он имеет, видите ли...

ФЕДОР (с колен, обернувшись к Кочубею). Кого?
КОЧУБЕЙ. Да не тебе я, не тебе!..

III

Наташа неслышно сбегает по лестнице в столовую. Глаза ее лихорадочно блестят, на щеках румянец.

Мисс Винтер выплывает ей навстречу в одном из своих экстравагантных платьев, с бесчисленными рюшечками и оборочками.

Мисс Винтер. Oh, you aren't dressed yet!

Наташа. Miss Winter, dearest, come with me. Be quick, please!

Мисс Винтер (обеспокоенно). What the matter?

Наташа. Come on, come on, I'll explain it to you later... please!

Хватает мисс Винтер за руку и увлекает к себе наверх.

Мисс Винтер. Well, well. But be careful darling, don't forget my dress...³

---

³ – Ах, вы до сих пор не одеты!– Мисс Винтер, дорогая, пойдемте со мной. Скорее же, прошу вас!– Но в чем дело?– Пойдемте, пойдемте. Я потом объясню... пожалуйста.– Да, хорошо. Но осторожней, дорогая, вы забываете о моем платье... (англ.)

IV

Комната Наташи.

Графиня и мисс Винтер.

Наташа бросается к бюро, берет бумагу, перо и быстро пишет. Мисс Винтер внимательно наблюдает за воспитанницей.

Французские строки письма озвучиваются русским академическим текстом.

ПИСЬМО НАТАШИ: Pouchkine, j'espère que vous serez assez modeste pour garder cette note secrète. Hontez à vous de devoir commencer par ça! Mais passons aux choses sérieuses: mon père se prépare à se rendre au palais. Il a vos poèmes politiques. Je viens d'entendre un fragment de la conversation de mon père avec un visiteur, et je ne sais pas quoi faire. Si vous avez besoin de mon aide, même si je ne sais pas en quoi elle pourrait consister, vous pouvez me rencontrer demain à dix heures près du monument de Kagul. Et que Dieu vous garde de croire que je prends rendez-vous avec vous! Mais je crois en votre intégrité, tout comme je crois que vous brûlerez cette lettre immédiatement après l'avoir reçue. Et je ne signerai pas cette lettre!

Голос Наташи. Пушкин, я надеюсь, в Вас достанет скром-

ности сохранить эту записку в тайне от кого бы то ни было. Стыдитесь, что именно с этого я должна начинать! Но к делу: отец собирается во дворец. У него Ваши политические стихи. Я только что случайно услышала отрывок разговора отца с каким-то человеком и не знаю, что предпринять. Если Вам нужна моя помощь, хоть я и не ведаю, в чем она может заключаться, – Вы можете встретиться со мною завтра в десятом часу возле Кагульского памятника. И спаси Вас Господь думать, что я назначаю Вам свидание! Но я верю в Вашу порядочность так же, как и в то, что письмо это Вы сожжете сразу же по его получении. И подписывать его я не буду!

Обильно посыпает письмо песком, размахивает листком, чтобы поскорее высохли чернила, складывает вчетверо и протягивает гувернантке.

Наташа. Please, dearest, here is the letter to Pushkin.

Мисс Винтер. What?! Pushkin! Again! No, no, no! You are a young maiden; you must think of your reputation! It's impossible! And you are a fiancée...

Наташа. Oh no, dearest, you do not understand. M-r Pushkin is in danger, a great danger, believe me, miss Winter. We must warn him; do you see my point? This is the last time, I promise you. But if he shall not receive the letter, I'll never forgive myself! Do you see how important is it?

Мисс Винтер. All right, all right. Calm down. If it is so urgent,

I'll do it. But this will be the last time.

Наташа. Of course, I've promised you that already. You must find him and hand this letter to him. Go to Petersburg now. I'll tell my father that I have sent you to buy a dress for me... or no... a hat... you know, a white one with blue flowers.

Мисс Винтер. You say a white hat with blue flowers? All right, my little countess, let it be a white one with blue flowers!⁴

Наташа благодарно целует мисс Винтер.

Мисс Винтер. Oh, these sentiments... and my dress...⁵

V

С улицы доносится стук колес экипажа: граф Кочубей выезжает со двора.

---

⁴ – Прошу вас, милая, вот письмо к Пушкину.— Что?! Пушкин! Опять! Нет-нет-нет! Вы – девушка и должны помнить о чести! Нет, это невозможно! Ведь вы невеста...– Ах нет, дорогая, вы не понимаете! Господину Пушкину грозит опасность, серьезная опасность, поверьте мне, мисс Винтер. Мы должны предупредить его, поймите же! Это в последний раз, я вам обещаю. Если он не получит этого письма, я никогда себе не прощу! Вы видите, насколько это важно?– Хорошо, хорошо. Успокойтесь. Если так необходимо, я сделаю это. Но только в последний раз.— Ну да, я ведь вам уже пообещала. Вам нужно найти его и вручить это письмо. Поезжайте в Петербург. А я скажу отцу, что отправила вас купить мне платье... или нет... шляпку... знаете, такую белую шляпку с голубыми цветами.— Белую шляпку с голубыми цветами? Что ж, маленькая графиня, пусть будет белая шляпка с голубыми цветами!

⁵ – Ах, эти ваши сантименты... но мое платье... (англ.)

Кучер (вполоборота). Куда изволите, ваше сиятельство?

КОЧУБЕЙ (ворчит). А куда еще может направляться его сиятельство с утра пораньше, как ты думаешь?

КУЧЕР. Нам думать нельзя-с.

Кочубей. А голова тогда на что?

КУЧЕР (ухмыляясь). Дак знамо на что – шапку носить.

Кочубей. А честь?

КУЧЕР (не сразу, меняя тон). А честь, ваше сиятельство, не про нашу честь...

Глава вторая

I

Царское Село. Утро того же дня.

Апартаменты Александра I.

У царя на приеме петербургский генерал-губернатор граф Милорадович.

Милорадович (читает, держа в руках большую тетрадь в черном сафьяне).

И днесь учитесь, о цари:

Ни наказанья, ни награды,

Ни кров темниц, ни алтари

Не верные для вас ограды.

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Закрывает тетрадь и выжидательно смотрит на Александра.

Александр (после паузы). Н-да! Сочинителю, видно, и невдомек, что власть дается от Бога. Плохо, дорогой мой генерал, очень плохо! Ведь это – разврат, вольнодумство непозволительное! Однако, если подойти с другой стороны, с европейской так сказать, то конституция все-таки необходима. Произвол нижних чинов, губернских ведомств, взятки и хамство – ах, всё это бьет в глаза на каждом шагу, повсеместно! Даже не знаю, что тут сказать... (Указывает на тетрадь; с надеждой.) Это – всё?

Милорадович. Никак нет, ваше величество. Тут... но это читать я не в состоянии.

Александр. Почему?

Милорадович. Никак не могу. Разве что вы сами... но лучше и вам не читать этого.

Александр (морщась). Читайте, читайте, генерал!

Милорадович. Если вы настаиваете, ваше величество...

Царь нетерпеливо кивает.

Милорадович (читает).

Ура! в Россию скачет (гм-гм)

Кочующий деспот.

Спаситель горько плачет,

А с ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает:

«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:

Вот бука, бука – русский царь!»

Царь входит и вещает...

Александр (кричит). Довольно! (В гневе приближается к Милорадовичу, выхватывает тетрадь. Опомившись, овладевает собой.) Впрочем... (саркастически) о чем же вещает русский царь? (Возвращает тетрадь Милорадовичу.)

Милорадович (всем своим видом выражая, что он лишь исполнительный автомат).

Узнай, народ российский,

Что знает целый мир:

И прусский, и австрийский

Я сшил себе мундир.

О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;

Меня газетчик прославлял;

Я ел и пил и обещал —

И делом не замучен...

Александр (не в силах сдерживаться). Прекратите эту гнусность, граф! И вы, вы, столичный генерал-губернатор,

позволяете, чтобы подобная галиматья ходила по рукам в свете, и без того падком на всякие мерзости!

Милорадович. Позвольте, ваше величество, я как раз вижу свой долг в том, чтобы положить конец...

Александр. Так положите конец!

Милорадович. Но императрица... Ее величество просили меня быть милосердным к сочинителю и ничего не предпринимать без особого соизволения на то вашего величества. Государыня весьма обеспокоена судьбою автора.

Александр. Кто сей?

Милорадович. Пушкин, ваше величество.

Александр. Который Пушкин? Мой воспитанник, лицейский?

Милорадович. Точно так, ваше величество.

Александр. Какая неблагодарность! Ба, да я припоминаю: не тот ли это повеса, что однажды, еще мальчишкой, до смерти перепугал престарелую фрейлину? Говорят, он кинулся на нее с объятиями, приняв за предмет своих воздыханий.

Милорадович. Не могу знать, ваше величество.

Александр (сокрушенно). Н-да! Печально видеть, граф, как далеко может зайти человек, погрязший в разврате. А что в лицейской характеристике о нем значитесь?

Милорадович (извлекает из бювара характеристику и зачитывает ее). «Высшая и конечная цель Пушкина – блеснуть, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное обоснование, потому что он боится всякого серьезного уче-

ния, и ум его, не имея ни проницательности, ни глубины, – совершенно поверхностный, французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало пусто юношеское сердце. Нежные и юношеские чувствования унижены в нем воображением, осквернены всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в Лицей знал почти наизусть, как достойное приобретение первоначального воспитания». Егор Антонович Энгельгардт, директор Лицея.

Александр (пораженный этой поистине убийственной характеристикой; после паузы). Вот проницательность настоящего педагога! «Сердце его так пусто, как никогда еще не бывало пусто юношеское сердце!» Что скажете вы на это, граф? Впрочем, я, кажется, знаю, как нам поступить. Не думаю, что в случае с этим Пушкиным следует быть милосердным, что бы ни говорила императрица. Надобно его куда-нибудь подальше... в Сибирь... а еще лучше – на Соловки. Да-да, на Соловки! А, генерал?

Милорадович. Осмелюсь доложить, как эта тетрадь у меня оказалась. Я вызвал Пушкина к себе, он явился тут же, спокойный и со светлым лицом. Я спросил его о бумагах. «Граф, все стихи мои сожжены, – отвечал он. – В квартире моей ничего не найдется, но, если вам угодно, всё найдется здесь. – Он указал пальцем на свой лоб. – Прикажете подать

бумаги, я напишу всё, что когда-либо написано мною, кроме того что уже напечатано». Подали бумагу, Пушкин писал, писал и написал целую тетрадь. Вот эту тетрадь. И хотя многие стихи его просто ужасны, но не могу не сознаться в том, что Пушкин покори́л меня своим благородством и... (подыскивая слово) и своей манерою.

Александр. Однако же Пушкин – дворянин... и ничего удивительного... (Неожиданно.) А как бы вы, граф, поступили с ним на моем месте?

Милорадович (помедлив). Вы смущаете меня вашим вопросом, государь. Одно могу сказать: за Пушкиным закрепилась известная слава. Иные говорят, что он обещает быть первым поэтом России.

Александр. Этот... мальчишка? Но это невозможно, генерал!

Звонит в колокольчик. Появляется лейб-адъютант Александра.

Александр (адъютанту). Не знаешь ли, голубчик, будет ли сегодня господин Жуковский у императрицы?

АДЪЮТАНТ. Господин Жуковский уже во дворце, ваше величество.

Александр. Пригласи его.

АДЪЮТАНТ. Слушаю.

Адъютант удаляется.

Александр. У меня в Лицее, там, где должны были бы учиться мои братья, цесаревичи Константин и Николай, я пригрел змею, уroda, который с юношеских лет выказал такую порочную неблагодарность, что у меня даже нет никаких слов! А вы, генерал, защищаете его!

Милорадович. Но, ваше величество... я не оправдываю... я согласен... но... быть может, молодой человек заблуждается... в силу раннего, как говорится, возраста... Мой адъютант, Глинка, утверждает, например, что этот Пушкин – один из самых приятных и великодушных людей молодого Петербурга.

Александр. Ваш адъютант подпал под влияние этого пакостника! Это ли не свидетельство того, что наша дворянская молодежь – уж не знаю почему! – вся отравлена непозволительным вольнодумством. Нет, вы только подумайте: в то время как я разбил Бонапарта, освободил Европу от ужасной гидры революции – будемте называть вещи своими именами, – основал Священный Союз держав, построив его на принципах христианской морали; после того, как я даровал полякам конституцию, – а вы не можете не знать, чего мне это стоило, мне, государю отсталой, непросвещенной державы! – и после всего этого какой-то мальчишка наводняет Россию возмутительными стихами, представляя меня в каком-то... в каком-то ложном... отвратительном свете! И эти

стихи – читают! Вы говорите: молодость, заблуждения... Нет, тут другое, граф, другое! Вы подумайте, какое влияние эти вирши могут оказать на молодежь, и без того беспутную и нетерпеливую, вы только представьте себе последствия! О каком милосердии может идти речь, скажите на милость?!

Милорадович. Да нет, ваше величество... Я согласен... Вы, конечно, правы... Но вот... государыня-императрица...

Александр (жестом отменяя всякую возможность возражений). Тут нужно примерно наказать, чтоб другим неповадно было! Надо напомнить, что монархическое призвание – не пустяк, от которого можно отмахнуться как от надоедливой мухи, что оскорбление августейшего лица есть оскорбление веры христианской!

Замирает в картинной позе, словно перед Александром не один петербургский генерал-губернатор, но сама История, а потому появление в дверях адъютанта остается как бы совершенно незамеченным.

АДЪЮТАНТ (выдержав достодолжную паузу). Ваше величество, Василий Андреевич Жуковский.

Александр (как бы включив и адъютанта в адресат своего монолога). Проси!

Входит Жуковский.

Жуковский. Вы хотели меня видеть, ваше величество?

Александр (меняя тон; мягко). Вот какой вопрос у меня к тебе, любезный Василий Андреевич: что такое Пушкин?

Жуковский (обеспокоенно). С ним что-то случилось, ваше величество?

Александр. Случилось? Ну, как тебе сказать. Ежели бы, допустим, Пушкин сломал ногу или руку, то это было бы для него, полагаю, сущий пустяк по сравнению с тем, что его ожидает.

Жуковский (напуган). О государь! Как понимать ваши слова?

Александр берет Жуковского под руку, прогуливается с ним по кабинету. Жуковский время от времени поглядывает на Милорадовича, словно ища у него объяснения происходящему.

Александр. Вот ты, Василий Андреевич, изрядный поэт, признанный, так сказать, стихотворец. Объясни же мне, простому солдату: Пушкин – он что такое?

Жуковский. Я знаю Пушкина сызмальства. О нем ходят разные слухи, но они большею частью несправедливы. Да, он молод, ветрен, иногда безрассуден. Образ жизни, какую он ведет в Петербурге, небезупречен, я знаю об этом. Но я знаю также и то, чем это можно извинить: отсутствием должной семейной опеки, ранней страстью к чтению – в десятилетнем

возрасте он читал книги, которые смутят и зрелого человека. Наконец, самый возраст его, при африканской крови... Известно мне также (косвенный взгляд в сторону Милорадовича), что в публике ходят в рукописях некоторые вольные стихи, которые приписывают Пушкину, но которые ему вряд ли принадлежат. Для меня несомненно одно: дарование Пушкина велико. Это Моцарт русской словесности. И я убежден, что со временем из-под его пера выйдут создания, в которых младенческая наша поэзия созреет и станет наряду с поэзией европейской.

Александр. Гм-гм. (Берет у Милорадовича тетрадь.) Тем не менее, вот в этой самой тетради твой Пушкин собственноручно написал такие стихи против правительства... против меня, наконец... такие, что я даже не решусь предложить их твоему вниманию! Эти стихи есть преступление против всего законного установления власти в России. И как бы я ни уважал тебя лично, Василий Андреевич, сколько бы ни ценил твои дарования, но вверенной мне Богом властью не могу оставить это втуне и обязан дать делу ход. Пушкина нужно – нужно наказать! Мы тут посовещались с графом (жест в сторону Милорадовича), и я не вижу другого выхода, как выслать этого вольнодумца в Соловецкий монастырь – авось образумится.

Жуковский (потрясенный услышанным). Господи, на Соловки! Но это невозможно! Это убьет его!

Александр. Отчего же? Молодой человек войдет в меру и

лет этак через пять вернется к нам истинным слугою отечества. Там у него будет время подумать о своем назначении. Он созреет, переменится.

Жуковский. Ваше величество! Дозвольте сказать. Соловки убьют его – для меня, знающего Пушкина, это ясно как день. Он нравственно, да-да, нравственно не вынесет ссылки и опалы! А что до меня лично – то я никогда не прощу себе такой утраты... и... простите мою дерзость, государь... вы тоже себе этого не сможете простить... потом – не сможете...

Милорадович кашляет.

Александр (надменно). Ты, любезный Василий Андреевич, забываешься, говоря от моего имени.

Жуковский. Простите, ваше величество. Но если бы вы знали Пушкина так, как знаю его я, если бы вы знали, какой дар, редчайший, драгоценный, дан ему свыше, – дан, может быть, напрасно, ибо мне кажется иногда, что Пушкин недостоин его (вы видите, я совершенно искренен с вами, государь), – то трудно даже представить себе, какую утрату понесла бы Россия! Соловки! Пушкин – и Соловки! Скорее я соглашусь провести остаток своих дней на одном из этих печальных северных островов, зная, что Пушкин будет спасен, что он будет творить.

Александр (раздраженно). Ну, хорошо-хорошо! Что же ты предлагаешь?

Жуковский. Как я могу что-то предлагать?.. Впрочем...
впрочем... государь-император, ваше величество, простите
его!

Милорадович громко кашляет.

Александр. Дело не во мне. Ведь эти стихи переходят из
рук в руки, тут никто не властен предотвратить, помешать
– и Пушкин должен быть наказан! Должен быть! Я не имею
права оставить это без последствий. Не правда ли, граф?

Милорадович. Э-э... я, ваше величество... Принимая во
внимание мое личное знакомство с Пушкиным... и его ма-
неру... я согласен с мнением Василия Андреевича... хотя,
конечно...

Александр. Как?! И ты, генерал?!

За спиной Жуковского появляется императрица Елизаве-
та Алексеевна. Увидев, что муж занят, собирается уйти, но
царь жестом останавливает ее.

Милорадович (воспользовавшись паузой). Среди прочих
стихов в этой тетради есть, ваше величество, и такие, где
прославляются представители августейшей фамилии. Вот,
если позволите... (Читает.)

Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой

Я зрел на троне добродетель
С ее приветливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Пауза. Тихий ангел пролетел.

Александр. Это – о ком?

Милорадович. Насколько мне известно – об государыне-императрице, ваше величество. (Кланяется Елизавете.)

Александр (повторяет). «Был эхо русского народа».

Пристально глядит на Милорадовича, затем переводит взгляд на Жуковского, у которого трясутся губы.

Александр (ходит по кабинету и бормочет). «Голос мой... Эхо русского народа...». Простить?.. Простить?.. Но – не рано ли?!

Напряженная пауза.

Александр (приняв решение). Что ж, мы вот как распорядимся: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с его чином и соблюдением возможной благовидности, от-

править его служить на Юг... ну да, ну да, также от Коллегии иностранных дел... под начало генерала Инзова, Бессарабского попечителя... (Ожидая эффекта, с деланным равнодушием.) Надеюсь, теперь вы удовлетворены?

Императрица (несколько экзальтированно). Я знала, знала, что вы великодушны, друг мой, что нет человека, способного сравниться с вами в милосердии!

Милорадович. Позвольте идти, ваше величество?

Александр (под впечатлением от собственного великодушия). Да, вы свободны, господа.

Милорадович и Жуковский выходят.

Елизавета. Вы меня растрогали, государь!

Александр (берет Елизавету под руку). Всё это не стоит того, чтобы быть предметом вашего внимания, дорогая.

Елизавета. «Дорогая»?

Александр. Я бы хотел переговорить с вами о многом... Сейчас чередой пойдут посетители... Аракчеев, Голицын... Но завтра утром...

Елизавета. Да?

Александр. Завтра утром я приглашаю вас на прогулку по парку.

Елизавета. Как?! Вы назначаете мне свидание?

Александр. Нет, вы только послушайте:

Как ждет любовник молодой

Минуту верного свиданья...
Странно! Странно!..

II

Галерея дворца.

Жуковский нагоняет звенящего шпорами Милорадовича.

Жуковский. Граф! Граф! Подождите, прошу вас. Считаю своим долгом выразить вам мою величайшую благодарность – не только от своего имени, но, смею надеяться, от имени всех просвещенных людей отечества! Вы спасли нашего Пушкина! (В глазах Жуковского стоят слезы.)

Милорадович (неловко). Ну, что вы, что вы, любезный Василий Андреевич! Я поступил лишь согласно своим убеждениям.

Жуковский (чувствительно). Ах, это так... так редко!..

Не находя слов, низко кланяется графу. Милорадович спешит поскорее выйти вон, но на крыльце сталкивается с входящим Кочубеем. Раскланиваются.

III

Жуковский садится в коляску.

Жуковский (кричит извозчику). В Петербург! Да поскорей, голубчик!

IV

Шоссе. Коляска Жуковского обгоняет дрожжи мисс Винтер, обдав их грязью.

Мисс Винтер. What a terrible country!⁶

Глава третья

I

Петербург. Ресторан Талона на углу Невского и Большой Морской.

Серебряное ведро с шампанским, которое несет официант, отражает своей полированной поверхностью компанию из офицеров и штатских, сидящих за большим столом в центре зала. Среди них: Александр Иванович Тургенев, Никита Михайлович Муравьев, Иван Дмитриевич Якушкин, Петр Павлович Каверин, граф Федор Иванович Толстой («Американец»), Михаил Сергеевич Лунин, Филипп Филиппович Вигель и Пушкин.

---

⁶ Что за ужасная страна! (англ.)

Официант. Прикажете откупорить, господа?

Каверин. Пожалуй.

Пушкин (Каверину, вполголоса). Петруша, дай мне!

Каверин (смеется). Откупори, коли тебе охота. Благо это не ром. (Обращаясь к застолью.) Знаете ли, господа, анекдот, как Пушкин на пари со мной выпил бутылку рому?

Якушкин (недоверчиво). Целую бутылку?

Каверин. Выпью, говорит, и сознания не потеряю. И что бы вы думали? Выпил не отрываясь. Я ему: что, Пушкин, жив ли ты еще? А он до того пьян, что слова сказать не может. Я уж думал за доктором послать, ан смотрю – шевелит мизинчиком: дескать, хоть я и пьян до беспамятства, а про пари помню; пьянство, дескать, обмороку – розь. Так ведь и выиграл, мизинчиком-то!

Вигель хихикает.

Пушкин. Всё ты врешь, Петруша!

В зале появляется, опираясь на английскую трость, Николай Тургенев. Рядом с ним Петр Чаадаев в мундире корнета лейб-гвардии.

Пробка с грохотом летит в потолок; Пушкин пытается совладать с бьющей из бутылки струей. Смех.

Пушкин (блестя глазами). Чаадаев, Николай Иванович,

подставляйте бокалы!

Лунин (подняв бокал). Господа, я хочу выпить за вас, за петербургских друзей моих, память о которых я увезу в своем сердце... (Слезы мешают ему говорить.)

Муравьев (приходя на помощь Лунину). За Михаила Сергеевича, за его прекрасное сердце, за его таланты! И пусть Москва ценит его так же, как ценим его мы!

Николай Тургенев (негромко; Пушкину). Послушай, почти то стихотворение.

Пушкин. Которое?

Николай Тургенев. Да которое ты Чаадаеву написал.

Пушкин. Право?

Каверин. Почитай, Саша!

Толстой (насмешливо, как и свойственно самому умудренному из компании). Эх, тоста сказать не умеют!

Пушкин (взобравшись на стул, читает.)

Пока свободою горим,

Пока сердца для чести живы,

Мой друг, отчизне посвятим

Души прекрасные порывы!

Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья,

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

Муравьев (в упоении). Bravo, Пушкин! Лунин, ура!

Нестройный хор. Ура!

Пьют. Пушкин пьет, стоя на стуле, и лишь потом спрыгивает, ставит бокал, целует Чаадаева в щеку.

Чаадаев (поморщившись). Хватит, перестань!

Якушкин (возбужденно). Сегодня мы провожаем в Москву нашего Мишеньку. Но не печально на сердце – напротив. Я чувствую наступление какой-то новой жизни, светлой, прекрасной, осмысленной и полной испытаний!

Толстой. Право? Новая жизнь? Я вот в Америке был, так ведь и там всё то же: день, ночь, утро, вечер, аборигены. Даже еще хуже: там нет ни карт, ни шампанского, ни хорошеньких женщин.

Александр Тургенев (Толстому). Ты раньше времени состарился, дорогой мой.

Вигель. Кто говорит о старости? Долой старость!

Каверин. Верно, Филипп Филиппович! Стоит выпить за это!

Вигель наполняет бокалы.

Николай Тургенев (поклонившись в сторону Якушкина). Иван Дмитриевич прав, господа. Перед всеми истинными гражданами России одна теперь цель – сделать страну нашу просвещенной. Избыть это страшное варварство – раб-

ство. Оно противно самой природе человеческой. Но Россия – страна молодая и дикая. А рабу милы его путы. Мы еще, в сущности, только на первой стадии просвещения...

Пушкин. О да, мы в Черной Грязи!⁷

Лунин. Однако Россия никогда не будет просвещенной державой, пока она не станет республикой.

Муравьев (подхватывая). Царь должен – добровольно, нет ли – отказаться от власти, передав ее парламенту и конституции!

Толстой (с аппетитом расправляясь с «ростбифом окровавленным»). Как же, держи карман шире!

Александр Тургенев (спокойно). Я полагаю, что Никита Михайлович не так далек от истины, как это может показаться. Давно уже в свете ходят слухи, что император хочет оставить престол. И они небеспочвенны.

Вигель (рассудительно). Никто никогда не расставался с властью добровольно, Александр Иванович. Человек по природе своей не может не желать власти над ближним, ибо власть есть выражение полноты воли человеческой.

Муравьев. Да, если смотреть на это с психологической точки. Но ведь самодержавная власть, Филипп Филиппович, есть пережиток, во всяком случае – у нас. Единовластие в такой огромной стране не может не быть порочным.

Лунин. Никита прав! Император Александр – человек-ли-

---

⁷ Черная Грязь – название первой почтовой станции по дороге из Москвы в Петербург.

са. Одной рукой он дает Польше конституцию, утверждая во всеуслышание, что то же хочет сделать и для России, а другой – душит всё самостоятельное, свободолюбивое в Европе. Посмотрите только, какими людьми он себя окружил! Один Аракчеев чего стоит, с его военными поселениями!

Якушкин (с фанатической убежденностью). Выход здесь один, господа: уничтожение царской власти в корне. Надеюсь, вы понимаете меня. Опыт одиннадцатого марта доказывает...⁸

Александр Тургенев (не без раздражения). Ничего он не доказывает! Убийства, кровь – это удел тиранов. Или мало вам якобинской диктатуры, мало Наполеона? Кровь не только ничего не оправдывает, напротив – низводит всякий прогресс на уровень уголовщины. (Чаадаеву.) Скажи ты, Петр, ты моложе; мне они уже не поверят.

Чаадаев. Я согласен с Александром Ивановичем. Для меня очевидно, что любая революция отбросила бы нас на полста, на сто лет вспять. Для того чтобы утвердилось просвещение, цивилизация, нужны долгие годы повседневного труда. Человек должен сам себя изменить, тем самым изменить и общество. Кстати сказать, не всем присутствующим, может быть, известно, что Николай Иванович в своем имении упразднил барщину, заменив ее милосердным оброком. Вот действие человека просвещенного!

---

⁸ 11 марта 1801 г. – дата дворцового переворота, во время которого был убит Павел I и в результате которого стал царствовать Александр I.

Муравьев (с мальчишеским восторгом). Так это правда, Николай Иванович?!

Николай Тургенев (досадливо; Чаадаеву). Ах, зачем ты, Петр, право... В конце концов, господа, это мое частное начинание.

Чаадаев. О чем и речь, Николай. Свободное волеизъявление частного человека – это и есть основа истинного просвещения!

Каверин (с целью снизить пафос беседы). А мне так намедни мой Савелий-кучер приносит тыщу рублей и говорит: «Отпусти, барин, на волю!».

Александр Тургенев. И что же ты?

Каверин. Растрогал меня, право. Я и говорю ему: «Савелий, милый, да я и сам дал бы тебе тыщу рублей за одну только мысль о свободе, да вот беда – денег нет!»

Муравьев. Так как же вы поступили, Петр Павлович?

Каверин (смеясь). А вы как думаете?

Смех. Вигель смеется громче других.

Якушкин (серьезно). Вы можете шутить, господа, а для меня свобода – дело святое. Я жизнь готов положить на это! Я верю, что —

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

Пушкин (до того внимательно прислушивавшийся к спору). Так вы знаете эти стихи, Иван Дмитриевич?

Якушкин. Да их знает всякий порядочный человек. У каждого прапорщика в полку найдете вы их переписанными.

Пушкин (горячо). Вы не шутите?

Александр Тургенев (озабоченно). Это не так отратно, Пушкин, как ты думаешь. Неслучайно Милорадович вызывал тебя. Не ровен час – отправят тебя по казенной надобности с фельдъегерем.

Николай Тургенев. А мне, Пушкин, и вообще кажется зазорным: получать жалованье от правительства – и писать на него эпиграммы. Это даже как-то нечестно.

Пушкин (вскочив на ноги). Что?! Отдаете ли вы отчет в своих словах, милостивый государь?!

Толстой. Ладно, Пушкин, сядь, не мельтеши.

Пушкин (отмахнувшись от Толстого). Вы забылись, Николай Иванович! Я слишком уважаю вас, чтобы... Вы еще можете принести мне извинения, иначе...

Николай Тургенев. Что? Извинения? За что же извиняться – за правду, сказанную в глаза?

Пушкин (поблуднев; горячность его неожиданно переходит в ледяное бешенство). Так вы не собираетесь просить прощения, милостивый государь? Прекрасно! Я вас вызываю!

Толстой. Вот это дело! Уже и история готова!

Александр Тургенев (обеспокоенно поднимается на но-

ги). Господа, господа!.. Пушкин... Николай... Это невозможно!.. Какой-то вздор, ерунда... Прекратите...

Николай Тургенев выдерживает паузу; внимательно глядя Пушкину в глаза, начинает понимать, что делается у того на сердце.

Николай Тургенев (тихо, но с достоинством). Хорошо, Пушкин. Я беру свои слова назад. Более того, я приношу вам свои извинения.

Пушкин (также после небольшой паузы; в тишине, достигшей крайнего напряжения). Принимаю.

Александр Тургенев (переводя дух). Слава Богу! Слава Богу! (Устало опускается в кресло.)

Лунин (растерянно). Мне странно, господа... Николай Иванович... Александр Сергеевич... Эта ссора... Ведь мы все одному делу служим. Разве ж можно так?

Каверин. Успокойтесь, Михаил Сергеевич. Никакое дело не выгорит, ежели мы перестанем заботиться о собственной чести.

Толстой (с деланным разочарованием). А жаль! Я было уже понадеялся, что у нашего обеда будет достойное завершение.

Каверин (Толстому). Мы с тобой знаем о поединках больше, чем другие. Этого довольно. (Пушкину и Николаю Тургеневу.) Помиритесь, господа.

Николай Тургенев через стол подает Пушкину руку. Тот мгновение смотрит на нее, затем отвечает на рукопожатие.

Николай Тургенев (мягко; с иронией). Думаю, целоваться нет необходимости.

Пушкин. Я люблю тебя, Николай Иванович, но никому и никогда...

Николай Тургенев (не давая Пушкину возможности договорить). Я тоже, Саша.

Наклоняется, целует Пушкина три раза, по-русски, но хромота дает о себе знать – задетая трость падает. Пушкин и подоспевший Александр Тургенев поддерживают Николая Ивановича.

Каверин. Ну, и прекрасно! Пора наполнить бокалы, господа!

Чей-то возглас. Человек, вина!

Официант спешит с новой бутылкой.

Муравьев (сидящему рядом с ним Вигелю). Мне кажется, Пушкин слишком щепетилен.

Вигель (холодно). Я так не считаю.

Каверин. Давайте выпьем за женщин, господа! Мы вот на-

медни с графом (кивок в сторону Толстого) придумали тост: «За отсутствующих здесь дам!»

Смех. Кто-то аплодирует.

Толстой. В самом деле, будемте говорить о женщинах, господа, которых сейчас с нами нет-с.

Пушкин. Да что о них говорить, граф! Хорошего всё равно скажешь немного.

Муравьев. Ну, ты-то известный развратник!

Пушкин (с невинным видом). Право? Кто это тебе сказал такую неправду, Никита?

Александр Тургенев. Что верно то верно. Уж я так за тебя переживал, Пушкин, во время последней твоей болезни!

Пушкин. Горячка – не такая редкая штука, чтобы беспокоиться сверх меры.

Александр Тургенев (добродушно смеясь). Ну, если это называется горячкой на теперешнем вашем языке... Впрочем, болезнь пошла тебе на пользу, иначе когда бы еще ты закончил свою поэму?

Пушкин (лукаво). Нет худа без добра, Александр Иванович.

Лунин. Поэму? «Руслана»? Александр Сергеевич, я верно понимаю: «Руслан» закончен?

Пушкин (брюзгливо). Эта штука взяла у меня полжизни. Одно могу сказать: три года после Лицея я работал не по-

кладая рук, аки монах трудолюбивый, постясь. Не понимаю, о каких женщинах тут говорят?

Каверин (смеется). Посмотреть на Сверчка – сама невинность!

Вигель. Кстати о женщинах, господа. Сегодня вечер у Олениных. Говорят, будет мадам Керн.

Николай Тургенев. Мадам Керн? Впервые слышу. Кто это?

Вигель. В девичестве Полторацкая.

Муравьев. Моя неприступная кузина.

Вигель. По слухам, замечательной красоты, но целомудренна!

Пушкин. Филипп Филиппыч изволит нам сказки рассказывать: красота и целомудрие – понятия несовместные.

Чаадаев. Керн? Не жена ли дивизионного генерала Ермолая Керна?

Вигель. Точно так.

Чаадаев. Так ведь генерал – старик.

Толстой. И прекрасно! Нет ничего лучше, чем красавица замужем за стариком.

Пушкин. А я ведь зван сегодня к Олениным.

Каверин (шутливо). Надеюсь, ты будешь вести себя с нею должным образом, как с молодой женой старого генерала.

Пушкин (в тон ему). Можешь не сомневаться. Даю тебе слово быть совершенно порядочным человеком.

Лунин. Послушайте, Александр Сергеевич. Вы вот гово-

рите, что закончили поэму. Будьте любезны, почитайте нам.
Якушкин. Да-да, Пушкин! Прочтите!
Николай Тургенев. Право, Пушкин, почитай.
Каверин (обращаясь к застолью). Вот увидите, обязательно будет о женщинах.

Пауза. Читать Пушкину не хочется.

Толстой. Не ломайся, милый, прочти им: скорее отвяжутся.

Пушкин (усмехнувшись Толстому). Извольте. (Начинает декламировать, но отнюдь не с лукавым, а с серьезным, тихим, даже каким-то печальным выражением.)

Ты мне велишь, о друг мой нежный,

На лире легкой и небрежной

Старинны были напевать

И музе верной посвящать

Часы бесценного досуга...

Ты знаешь, милая подруга:

Поссорясь с ветреной молвой,

Твой друг, блаженством упоенный,

Забыл и труд уединенный,

И звуки лиры дорогой.

От гармонической забавы

Я, негой упоен, отвык...

Дышу тобой – и гордой славы

Невнятен мне призывный клик!

Меня покинул тайный гений

И вымыслов, и сладких дум;

Любовь и жажда наслаждений

Одни преследуют мой ум...

Это начало шестой песни, господа.

Александр Тургенев. Боже мой, ты чудотворец, Пушкин!

Сделать из уныния зачин!

Лунин (со слезами на глазах). Господа, господа... Давайте выпьем за Александра. Быть может, потом... когда нас уже не будет... потомки, читая эти строки, о нас вспомнят...

Толстой. Жажда наслаждений – это по-нашему!

Лунин. Мы не можем знать, какие судьбы нас ожидают. Выпьемте же за Пушкина, за ту радость, за счастье и грацию, какими он нас дарит... за чувство... за чудо...

Пушкин. Нет, господа, выпьемте за Судьбу!

Какое-то странное выражение на лице Пушкина вызывает внезапное смятение общества: Лунин неотрывно смотрит на Пушкина, словно пытаясь прочесть судьбу на его лице; Чаадаев глядит в сторону, задумавшись о будущности всех здесь сидящих; Якушкин, встав было и собираясь что-то сказать, вдруг передумал и опустил на место.

Муравьев (восторженно). За Судьбу!

Все молча пьют.

Лунин (поставив бокал). Господа, я нынче покидаю вас... и мне почему-то грустно... Я бы хотел вам сыграть...

Неверными шагами направляется к клавикордам, двигает стул, садится и, выдержав небольшую паузу, играет увертюру к «Дон Жуану». Пушкин слушает с тяжелым и сильным чувством. Лунин вдруг обрывает игру и той же нетвердой походкой возвращается на место.

Пушкин (взволнованно). Михаил Сергеевич, что это вы сейчас играли?

Лунин. Моцартова «Дона Джаованни». Вам понравилось?

Каверин. Еще бы ему не понравилось! Пушкин самому Дон Жуану фору даст.

Отдельные неловкие смешки.

Александр Тургенев (с мягкой иронией). А нам, простым смертным, разумеется, не дозволено узнать имя той, к кому обращены твои строки, Саша?

Пушкин. Разумеется, не дозволено, Александр Иванович. Да и нет ее... Так просто... Вымысел... Тень... Призрак...

Александр Тургенев. Я почему спрашиваю: княгиня Авдотья Ивановна третьего дня тревожилась о тебе. Что, гово-

рит, с Пушкиным случилось, совсем забыл мои ночные бдения.

Пушкин (улыбнувшись). Так ведь ночи нам даны для других забот, нежели предаваться салонным беседам, пусть собеседник даже столь очарователен, как княгиня.

Муравьев. А правда ли, господа, что Авдотья Ивановна собирает свой салон по ночам вследствие какой-то дурной приметы?

Чаадаев. Гадалка напорочила ей, что смерть явится за княгиней ночью. Авдотья Ивановна, как человек суеверный, но мужественный, решила, что не позволит застать себя врасплох.

Вигель. Гадалка? Уж не немка ли Кирхгоф?

Чаадаев. Не знаю. Кажется, Крюденерша.

Вигель. Между прочим, эта Кирхгоф сейчас в Петербурге.

Пушкин. Гадалка?

Вигель. Поселилась неподалеку отсюда, я видел в газете.

Пушкин. Та самая?!

Каверин. Да что с тобой, Пушкин?

Пушкин (Вигелю). Филипп Филиппыч, не могли бы вы проводить меня к ней?

Вигель. Когда вам будет угодно, Александр Сергеевич.

Пушкин. Сейчас!

Вигель. Сию минуту? Извольте.

Пушкин (обращаясь к застолью). Господа, простите меня. У меня блажь.

Каверин. Никуда тебя не пущу!

Пушкин. Ах нет, Петруша, поверь, мне нужна.

Каверин (насмешливо). Это в гадалке-то? Да она тебе наврет с три короба, а ты и будешь сидеть уши развеся!

Пушкин. Пусть наврет. Прощайте, господа. (Подходит к Лунину.) До свиданья, Михаил Сергеевич. Грустно мне теперь вас отпускать. Может, отложите отъезд – авось, Москва подождет?

Лунин. Не могу, Александр Сергеевич, должно мне ехать нынче.

Пушкин. Знаете что, оставьте мне что-нибудь на память о себе, а?

Лунин (растерянно улыбаясь). Что именно?

Пушкин. Ну, что-нибудь. Какой-нибудь пустяк. Впрочем, я знаю – что...

Вынимает из кармана футляр с портативным маникюром и ножничками отрезает у ошеломленного Лунина прядь волос.

Пушкин. Я буду хранить это до самой смерти, клянусь вам. Прощайте, господа!

Выходит. Вигель следует за ним.

Там же, спустя несколько минут.

Ресторан опустел. Из компании остались лишь братья Тургеневы, Чаадаев и граф Толстой. Николай Тургенев, со своей негнущейся ногой, выбирается из-за стола.

Толстой (снимая салфетку; Чаадаеву). Вы знаете, отчего Пушкин такой бешеный? Нет? Прелюбопытнейшая история: говорят, на днях его высекли в тайной канцелярии. По высочайшему, будто бы, повелению.

Чаадаев (меняясь в лице). Что?! (Гневно.) Как вы можете, граф!

Толстой (с непринужденным видом). Неужели вы ничего не слышали?

Чаадаев. Клевета, гнусная сплетня! Если бы тут была хоть крупица истины, Пушкин давно бы покончил с собой и не был бы давеча с нами! Обещайте мне, граф, никому более не говорить об этом. Одна такая гнусность, сама сплетня – может убить его! Обещайте же мне...

Толстой. Обещаю, любезный Петр Яковлевич, всенепременно. Очень может быть, что и сплетня. (Обращаясь к Тургеневым.) Прощайте, господа. Был прекрасный обед. Как-нибудь следует повторить...

Только за Толстым закрывается входная дверь, как появляется Жуковский.

Александр Тургенев. Василий Андреевич! Здравствуйте, дорогой мой. Но что с вами? На вас лица нет.

Жуковский. Где Пушкин?

Чаадаев. Полетел с Вигелем к гадалке.

Жуковский. Очень вовремя!

Николай Тургенев. Что-то случилось?

Жуковский. Случилось! (Опускается в кресло.) Пушкина высылают!

Николай Тургенев. Как?!

Чаадаев. Куда высылают?

Жуковский. На Юг, к генералу Инзову под опеку.

Александр Тургенев (по-бабьи всплеснув руками). Доигрались!..

Глава четвертая

Полутемная прихожая квартиры Кирхгоф на Большой Морской улице. Возле стен стоят какие-то сундуки, с вешалки свисают гроздья тряпья. Боком выпирает громоздкий комод, блестя поцарапанной полировкой. На грязных желтых обоях – отсвет заката.

Входная дверь со скрипом отворяется. Появляется голова Вигеля.

Вигель. Есть тут кто-нибудь?

Ответа нет.

Вигель, затем Пушкин входят в прихожую.

Вигель. Никого. И не заперто. Странно.

Пушкин. Черт! Темно. И запах, запах! (Зовет.) Эй, кто-нибудь!

Никакого ответа. Пушкин вновь чертыхается, но вдруг замирает: прямо перед собой он видит огромного роста женщину, такую Брунхильду, с рыжими жесткими волосами, пряди которых выпирают из чепца, с темными внимательными глазами, с огромным прямым носом и подобием усов под ним. Какое-то время Пушкин с невольным ужасом смотрит на «Брунхильду».

Пушкин. Мадам, мне нужна...

Женщина (рявкает). Темуазель!

Пушкин. Демуазель, я слышал, здесь принимает гадалка

Кирхгоф. Могу я ее видеть?

Женщина (сурово). Потшему?

Пушкин. Чтоб погадала мне.

Женщина (взгляд в сторону Вигеля). А это?

Вигель (указывая на Пушкина). Я, собственно, вот с ними-с...

Пушкин. Да, это со мной.

Женщина (со значением). Я ест Кирхгоф!

Пушкин отвешивает поклон; Вигель вторит ему. Кирхгоф берет Пушкина за руку, поворачивает его к свету, несколько мгновений пристально разглядывает черты Пушкина, затем удовлетворенно кивает.

Кирхгоф. Проходить. Туда.

Кирхгоф, Пушкин и Вигель оказываются в небольшой, довольно чистенькой комнате, со скудной обстановкой. В центре – круглый стол и два стула. На столе – свечи в тяжелом безвкусном подсвечнике и колода карт. Оконные шторы задернуты наглухо.

Кирхгоф (Пушкину). Садитесь. Ваш приятель бутет постоять.

Пушкин, как был в шинели, садится; свой цилиндр без церемоний ставит на пол. Гадалка садится напротив.

Вигель (ощущая себя лишним). Александр Сергеевич, я, пожалуй, пойду?

Пушкин (вежливо-равнодушно). Да-да. Спасибо, Филипп Филиппович, что проводили меня.

Вигель. Увидимся у Олениных. Не забудьте, вы приглаше-

НЫ.

Пушкин не отвечает. Вигель, попытавшись поклониться Кирхгоф, но не встретив отклика, неловко удаляется.

Кирхгоф. Что вас интересовать, майн херр? (Тасует колоду.)

Пушкин (улыбнувшись). Всё. Погадайте мне, мадемуазель.

Кирхгоф. Прошлый, пудущий, сегодняшний тень?

Пушкин. Всё.

Кирхгоф (вдруг отложив колоду в сторону). Дать ваш руку... Нет-нет, левый... (Внимательно изучает ладонь.) О!..

Пушкин (с детской заинтересованностью). Что? Что?

Кирхгоф. Ви отшень... как это... экстраординар... Отшень реткий тшеловек... Мошет пыть, феликий человек пудете, но это не софсем известно... Нушно торопиться... Ай-ай! Короткий жизнь, тридцать пять – сорок лет...

Пушкин (легкомысленно). Ну, не так уж и мало...

Кирхгоф (беспристрастно). Не мешать мне... (Вдруг, словно бы заинтересовавшись чем-то, приближает ладонь Пушкина к самым глазам.) Что-то неясный, темный... какой-то фатум...

Пушкин (пытаясь заглянуть гадалке в лицо, как-то совсем по-детски). Фатум?

Кирхгоф. Сейчас посмотреть... Ага!.. Фот он, ваш те-

мон!.. Он отшень старый... (Щелкает пальцами, подбирая слово.) Отшень старый-старый...

Пушкин (подсказывая). Древний?

Кирхгоф. Тревний и черный...

Пушкин. Мой прадед был африканец. Его крестил и воспитал Петр Великий...

Кирхгоф. Ви мне мешать... (Раскладывает колоду.) Черный темон... и пелий темон... Черный начал, пелий кончил... Кто такой пелий? (Смотрит в карты, бормоча себе под нос.) Пелий, пелий, который даст смерть!.. Вот! Вайскопф! Пелий колова! Вас убить человек с пелий колова!

Пушкин (крайне заинтересованно, но при этом с выражением, словно речь идет о ком-то другом). Белокурый, что ли?

Кирхгоф. Не знаю... Мошет пыть, пелий пферд, лошадь... конь... не знаю... Через пятнадцать-двадцать лет...

Пушкин. А никак нельзя его обойти... этого... эту белую голову?

Кирхгоф. Фаш проплем. Я коворить что фидеть. Мошет пыть, всё тело в шеншин, тоже пелий... Но их так много, ваших пелий шеншин!.. Ви есть польшой прокасник. Как это? Повеса. Слишком много шеншин, слишком много люпофь... Мало счастья... Есть отин, с ней ви никогда не пудете люпить, но фсегда помнить... Да, вот фояш – почти тесять лет: сначала один фояш, потом другой...хлопоты... Кто-то постоянно следит... Трук... Фрак... Темоны... Все следят... Но ви смелый, ви не пояться... (С внезапным сочувствием.)

Майн Готт, какой несчастный шизн!.. (Отрывает взгляд от карт, смотрит Пушкину в глаза.) Ви не отшаиваться... потому что... потому что у вас много... как это по-русски?... много польний шизн.

Пушкин (заговоренный словами гадалки). Я понимаю...

Кирхгоф. Лутше посмотреть сегодня-сафтра. (Смотрит в карты.) Отин женщин... Польшой чуфство... Теньги... Торога... Полезнь, но не страшный... Свет... Много света... Фсё, польше не могу, усталъ...

Минуту оба сидят молча, словно влюбленные. Между ними лишь пламя свечей.

Кирхгоф (вдруг). Как фас совут?

Пушкин (с затруднением). Пушкин.

От его неосторожного выдоха свечи вдруг гаснут.
Мрак.

Глава пятая

I

Дом Олениных на Фонтанке. Обилие лучистого света. Как контраст страшноватой визави Пушкина в предыдущей сцене, теперь напротив Пушкина – поразительной красоты юная

дама с диадемой на голове. Пушкин не может оторвать глаз от этого пленительного образа. В висках его стучит кровь, в уме беспорядочно теснятся слова.

Голос Пушкина. Чудесное виденье... Ангел милый... На мгновенье... Улетит, исчезнет вмиг... Чистая красота...

Губы женщины с диадемой не неподвижны, но Пушкин не слышит слов. Кто-то слегка дергает его за руку: промелькнул Вигель с кривовато-похотливой усмешкой и фразой, которая повисает в воздухе, не достигая слуха.

Вигель. Ну, что я вам говорил, красавица, а?..

Маленький, седой как лунь старичок в генеральском мундире, Алексей Николаевич Оленин, подводит к Пушкину свою двенадцатилетнюю дочь.

Оленин. Хочу, Александр Сергеевич, представить вам мою Аничку. Не поверите, выучила наизусть всю первую песнь вашей поэмы.

Пушкин автоматически кланяется, равнодушно пожимает девочке руку; та, в слезах обиды, что ее не заметили, убегает. Но Пушкин не придает этому значения: юная дама с диадемой всецело поглощает его внимание.

Голос женщины. ... Я, царица цариц, новая Изида, клянусь вам, воины: тому, кому не страшна смерть, кто готов ценою жизни купить мою любовь, ему одному, самому отважному из вас, буду принадлежать я эту ночь...

Чей-то возглас. Клеопатра!..

И вдруг женщина с диадемой начинает говорить стихами, причем если вначале голос, читающий стихи, принадлежит поэту, то постепенно он превращается в полный силы и страсти прекрасный женский голос.

женский голос:

В моей любви для вас блаженство?

Блаженство можно вам купить...

Внемлите ж мне: могу равенство

Меж вами я восстановить.

Кто к торгу страстному приступит?

Свою любовь я продаю;

Скажите, кто меж вами купит

Ценою жизни ночь мою?..

Клянусь... – о мать наслаждений,

Тебе неслыханно служу,

На ложе страстных искушений

Простой наложницей всхожу...

Моих властителей желанья

Я сладострастно утолю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утомлю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь – под смертною секирой
Глава счастливых отпадет!..

Аплодисменты.

Восторженные возгласы. Клеопатра! Клеопатра!

Где-то сбоку возникает лицо Александра Полторацкого (кузена Анны Петровны Керн – это она представляла сейчас Клеопатру).

Александр Полторацкий. Пойдем, Пушкин, познакомлю тебя с моей сестрицей.

Среди многочисленных гостей Оленина – Петр Чаадаев, ведущий светскую беседу с одной из красавиц Петербурга; дама поощрительно улыбается в ответ на какую-то реплику Чаадаева, тот кланяется и отходит. Спустя мгновение – это совсем другой Чаадаев: его лицо тревожно, глаза лихорадочно ищут кого-то. По пути он успевает облобызаться с Иваном Андреевичем Крыловым, сидящим в кресле.

Крылов. Ах, милый мой, такая незадача: опять я намедни поросятиной объелся!

Чаадаев. Советую вам, дедушка, не пренебрегать поросенком и за ужином: клин клином вышибают.

Крылов (умильно). Ха-ха! Непременно последую твоему совету!

Знакомое лицо – Вигель.

Чаадаев. Филипп Филиппович, где Пушкин?

Вигель. Только что был здесь. Петр Яковлевич, вы уже видели Анну Керн? Не правда ли, генеральша очаровательна?

Чаадаев (с плохо скрытым раздражением). Ах, не до того мне, Филипп Филиппович!

Вигель (вослед Чаадаеву, который уже не может его слышать). Это вам не до того, а мне до того. Вот вы, например, мне тоже кажетесь очаровательным. (На лице его – жалкое выражение безнадежно влюбленного гомосексуалиста.)

Чаадаев видит, наконец, Пушкина, которого в этот момент представляют красавице Керн. Поклон. Книксен. По лицу дамы не заключишь, чтобы Пушкин произвел на нее впечатление.

Голос Анны Керн (о Чаадаеве). Этот молодой военный –

он кто?

Но в этот момент перед ней возникают ее отец Петр Полторацкий и муж, генерал Керн, которого она стесняется в обществе, и ей ничего не остается, как повернуться к Чаадаеву спиной.

Чаадаев. Боже мой, Пушкин, насилу тебя нашел!

Пушкин. Нет, ты видел? Ты видел ее?

Чаадаев (оглянувшись). И не поговоришь здесь... (Обращается к Оленину, оказавшемуся рядом.) Алексей Николаевич, я бы хотел переговорить с нашим Байроном тет-а-тет. Посоветуйте, куда нам скрыться.

Оленин. Мой кабинет к вашим услугам, господа. (Подзывая лакея.) Порфирий! Проводи этих господ в кабинет.

Чаадаев (с безукоризненной светской улыбкой). Вы очень любезны, Алексей Николаевич. Я тут недавно обнаружил один раритет, хотел как-нибудь показать вам его.

Оленин. А что именно?

Чаадаев. Угадайте...

Вслед за лакеем увлекает Пушкина, который беспрестанно оборачивается на Анну Керн.

Кабинет Оленина. Спустя несколько минут.

Пушкин в кресле; Чаадаев стоит перед ним, положив руки ему на плечи.

Пушкин (в ответ на сказанное Чаадаевым). Что?! (Глаза его налиты кровью, он в бешенстве; вид его производит жуткое впечатление.) Меня!.. меня – высекли?! В тайной канцелярии?!

Чаадаев (не давая Пушкину подняться на ноги). Я же говорю тебе, Саша, – сплетня, клевета. А рассказал я тебе всё это для того, чтобы ты знал и был готов за себя постоять.

Пушкин. От кого ты слышал, Петр?

Чаадаев. От одного дурака-лакея. Ну не будешь же ты стреляться с лакеем! Послушай, может, и зря я тебе...

Пушкин (пораженный внезапной мыслью; тихо). Я знаю, кто источник клеветы...

Чаадаев (делает шаг назад и внимательно смотрит на Пушкина). Кто же?

Пушкин (почти шепчет). Это – он!

Чаадаев. Да кто?

Пушкин (со странной усмешкой). Будто ты не понимаешь...

Чаадаев (как будто уяснив, кого имеет в виду Пушкин, но еще не веря этому). Да кто? Кто?

Пушкин. Тезка мой.

Чаадаев (не сразу). Царь?!

Пушкин (наблюдая за реакцией собеседника). Мстит за «кочующего деспота».

Чаадаев (на мгновение онемев от изумления). Да ты что же... Ты что же – и эти стихи Милорадовичу написал?

Пушкин (усмехнувшись). А то нет. (Очень тихо; холодно.) Так я убью его. На дуэль он не согласится: слишком труслив.

Чаадаев (кричит). Ты в своем ли уме! (Машет на Пушкина рукой. Ходит по кабинету взад-вперед. Остановившись и выдержав паузу, начинает говорить со спокойной, рассудительной интонацией.) Ты сумасшедший. Нет, ты дурак, Пушкин! Не потому, что хочешь с царем стреляться – хотя и это невыносимо глупо! глупо! – а потому, что и царя мнишь таким же дураком и мальчишкой. Ну, что ему до тебя, скажи? Мало ему, что ли, без тебя достается... от этих... этих Якушковых, Луниных, Никиты...

Пушкин (угрюмо). Не трогай Лунина.

Чаадаев. Да Бог с ними со всеми, Саша!

Пауза. Чаадаев меряет шагами кабинет.

Пушкин. Ну что ж, коли так, мне одно остается, чтобы восстановить свою честь.

Чаадаев перестает шагать, приближается к Пушкину, поддвигает себе стул.

Чаадаев. Послушай, мой хороший. Это ведь всё такой вздор, что даже разговора нашего не стоит. Мы все развращены ложным представлением о чести. Там и сям готовы лить кровь – ближнего ли, самого ли себя – и ради чего? Ради того, что кто-то кому-то что-то там соврал, другой перевернул и сказал третьему, и так до бесконечности. И это общественное мнение, с которым следует считаться? Чушь!

Пушкин (устало и угрюмо). Другого-то общественного мнения у нас нет. Ты посмотри, как живут другие: у всех связи, друзья, любовь, семья, служба, деньги наконец. А у меня что? Ничего! Может быть, один лишь мой странный дар – слагать стихи. Так ты посмотри, как эти-то, другие, глядят на меня.

Чаадаев. Кто другие-то?

Пушкин. Да свет, Петр! Ведь я для них вроде балаганного паяца, а о том, что и я – дворянин, что мне так же, как и всякому, нужны дружба, любовь, участие, деньги, черт бы их побрал! – это как будто никому не приходит в голову. Но одним я обладаю несомненно: своей честью. Утратив ее, я утрачу всё.

Чаадаев. Ну, хорошо. Хотя мне вот обидно, что ты говоришь, будто нет-де у тебя настоящей дружеской привязанности... Я вот что скажу тебе наверное: царь не мог быть источником сплетни по той простой причине, что он определил тебе наказание.

Пушкин. Ты шутишь?

Чаадаев. Жуковский с самого утра ищет тебя по всему Петербургу предупредить о высочайшем решении отправить тебя в Бессарабию, под начало наместника Инзова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.